

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-81-102

УДК 1 (159.9)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О РОДИТЕЛЬСКОМ ВОСПИТАНИИ

Капустина В.А., Карманова В.В.

Цель. Статья посвящена выявлению взаимосвязи между конфликтной компетентностью подростков и их восприятием параметров родительского воспитания, что позволит определить факторы риска социализации в семье, ведущие к неэффективному поведению в конфликте.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляет структурный подход к изучению конфликтной компетентности, представленный в научных работах М.М. Кашапова, М.В. Башкина, С. Runde. В работе использованы метод теоретического анализа и психологическое тестирование.

Результаты. В результате исследования было обнаружено, что доминирующим типом реагирования в конфликте у подростков 14–15 лет является «Оптимальное решение», для них характерен достаточно высокий уровень осведомленности о конфликте, способах поведения в нем, сочетающийся с неумением управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, сложностями в открытом проявлении своих эмоций. Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязи низкого уровня конфликтной компетентности и выраженности в представлении подростков параметров родительского воспитания, которые могут быть отнесены к авторитарному стилю (гиперпротекция, чрезмерность запретов и санкций и т.д.).

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере образования в рамках профилактики асоциального поведения подростков.

Ключевые слова: конфликт; конфликтная компетентность; подростки; социализация; асоциальное поведение; профилактика конфликта; коммуникативная компетентность.

THE CORRELATION BETWEEN CONFLICT COMPE- TENCE OF ADOLESCENTS AND THEIR REPRESENTA- TIONS OF PARENTING

Kapustina V.A., Karmanova V.V.

Purpose. *The article is devoted to the investigation of the correlation between conflict competence of adolescents and their representations of parenting. The analysis of these results could be the basis of a prophylaxis of an asocial behavior of teenagers.*

Methodology. *The basis of the research is the structural approach to the study of a conflict competence, developed by M.M. Kashapov, M.V. Bashkin, C. Runde.*

Results. *It was found, that adolescents use to apply an optimal decision as a type of reaction in a conflict, they know a lot about conflict and conflict strategies but have no skills of understanding and managing of their emotions in a conflict. There are correlations between low level of a conflict competence and teenagers' representations of a directive style of parenting.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of education in a context of prophylaxis of an asocial behavior of adolescents.*

Keywords: *conflict; conflict competence; adolescents; socialization; asocial behavior; prophylaxis of a conflict; communicative competence.*

Введение

Конфликты в подростковом возрасте являются неотъемлемой частью взаимоотношений подростков как со взрослыми, так и со сверстниками. Позитивные функции подростковой конфликтности связаны с процессами самоидентификации, определением границ

своего «Я», формированием коммуникативных навыков. Семья как основной институт социализации подростка является основой для развития его конфликтной компетентности, потому что именно родители в первую очередь осознанно и/или неосознанно демонстрируют ребенку модели поведения в конфликте в контексте отношений на разных уровнях взаимодействия. Образцы эффективного поведения в конфликте подросток будет искать в первую очередь в своем окружении, в т.ч. в семье и в школе [7], но, несмотря на активное внедрение в российских школах школьных служб примирения (медиации) и данные исследователей, сообщающих о том, что школьники чувствуют себя в большей психологической безопасности, чем молодежь [3], в последние 5 лет отмечается рост числа погибших и пострадавших от стрельбы в школах и колледжах России, при этом в наиболее резонансных случаях, произошедших в 2018 году (г. Барабинск Новосибирской области, г. Шадринск Курганской области, г. Керчь Республики Крым), стрельбу открывали подростки. Профилактика подобного асоциального поведения может быть осуществлена через формирование конфликтной компетентности подростков. Стоит отметить, что конфликтная компетентность предполагает не только наличие у личности конфликтологических знаний, но возможность, готовность и реальную способность разрешать конфликты [11], т.е. большее значение имеет не знание структуры, факторов и условий развития конфликта, а понимание и умение оптимально решать возникающие конфликтные ситуации.

Рассмотрим современные представления о понятии «конфликтная компетентность».

Б.И. Хасан называет конфликтной компетентностью «уровень развития осведомленности о диапазоне потенциальных стратегий поведения в конфликте и умений реализовать эти стратегии в конкретной обстановке, умение удерживать противоречие в конструктивном русле, способствуя тем самым его разрешению» [18].

М.М. Кашапов подразумевает под конфликтной компетентностью «способность личности наиболее оптимальным и наименее ресурсозатратным способом преодолевать возникающие противоре-

чия, а также модифицировать деструктивное течение конфликтов в конструктивное, и, следовательно, разрешать их» [9]. Вместе с тем, конфликтная компетентность является частью конфликтоустойчивости, которая трактуется М.М. Кашаповым как продуктивная сопротивляемость деструктивным конфликтам.

По мнению С.М. Емельянова, конфликтная компетентность – это «совокупность знаний, навыков и умений специалиста в сфере управления персоналом в области конфликтологии», необходимые для конструктивного урегулирования возникающих конфликтов в профессиональной области [4].

В контексте изучения конфликтной компетентности крайне важно определить ее структурные элементы, поскольку это позволит более точно выявлять проблемные составляющие в конфликтном поведении человека, что необходимо для разработки эффективных способов психологической коррекции.

Л.А. Петровская, которая рассматривает конфликтную компетентность как интегральное образование, выделяет следующие уровни: уровень ценностей личности, уровень мотивов, установок и уровень умений [11]. Особый акцент автор делает на личностно-ценностном аспекте компетентности.

В структуре конфликтной компетентности Л.А. Петровская выделяет восемь компонентов [11]:

1. «Я-компетентность» – компетентность индивида в «собственном Я». Эта часть является базовой составляющей компетентности и означает, что личность адекватно ориентируется в собственном психологическом потенциале, а также в потенциале другого человека.
2. Ситуационная компетентность, означающая способность человека адекватно действовать в создавшейся ситуации.
3. Теоретическая компетентность – знания о конфликте, которые при условии тесной взаимосвязи и «встроенности» в личный опыт личности становятся компонентом его социальной установки.
4. Субъектная позиция участника конфликта, т.е. рефлексивная культура личности, предполагающая ее готовность и умение обратиться к интроспекции, а также умение реконструировать пси-

хологический профиль партнеров по конфликту и, собственно, конфликтных ситуаций.

5. Творческий потенциал личности, который содержит в себе способность человека гибко реагировать в конфликте, а также находить новые пути разрешения конфликтных и предконфликтных ситуаций.

6. Когнитивно-эмоциональная саморегуляция, включающая в себя способность сохранять равновесие в эмоционально заряженных конфликтных ситуациях.

7. Коммуникативные умения, т.е. способность высказываться, слышать собеседника, договариваться и устанавливать коммуникативную связь в конфликтной ситуации.

8. Сензитивность, т.е. высокая чувствительность в конфликтной ситуации, позволяющая быстро ориентироваться в эмоциональных состояниях участников конфликта, давать прогноз вероятности эскалации конфликта и т.д.

Несмотря на неоспоримую теоретическую значимость предложенной Л.А. Петровской структуры конфликтной компетентности, мы полагаем, что для практического применения в рамках профилактики неэффективного поведения в конфликте она является слишком громоздкой.

Наиболее обоснованным и аргументированным нам показался подход к структуре конфликтной компетентности, представленный в работах М.В. Башкина и включающий в себя следующие составляющие [1, 2]:

1. Когнитивная характеристика предполагает способность личности анализировать конфликтную ситуацию и выделять ее структурные компоненты.

2. Мотивационная характеристика представляет собой направленность личности на конструктивное разрешение конфликта.

3. Регулятивная характеристика обозначает способность личности к сознательному управлению собой и своим эмоционально-волевым состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях.

Разработанная М.В. Башкиным структура конфликтной компетентности опирается на подход Л.А. Петровской о составляющих

исследуемого феномена: теоретическая компетентность и креативность соответствуют когнитивному компоненту конфликтной компетентности. Субъектность участника конфликта, навыки эмоциональной саморегуляции, Я-компетентность», сензитивность и компетентность «в ситуации» в сумме отражают регулятивный компонент конфликтной компетентности. Однако, отмеченные Л.А. Петровской коммуникативные умения отсутствуют в предлагаемой М.В. Башкиным структуре конфликтной компетентности, т.к. они не являются независимым фактором – данная компетентность является по сути коммуникативной компетентностью [1].

Похожую структуру конфликтной компетентности предлагают С. Runde и В.К. Armon. По их мнению, эффективное решение конфликтов возможно только тогда, когда когнитивный, эмоциональный и поведенческий элементы конфликтной компетентности будут рассматриваться с учетом культурологических различий [13].

В исследованиях Т.В. Скутиной предпринимаются попытки проанализировать феномен конфликтной компетентности в контексте возрастной динамики. Естественно, конфликтная компетентность не есть чисто внешний, готовый ресурс, который достаточно лишь ассимилировать – напротив, это сложная система внутренних ресурсов – когнитивных и личностных, складывающихся по мере возрастного развития. В детстве конфликтная компетентность развивается по мере накопления опыта переживания и разрешения конфликтов [15, 16].

Развитие конфликтной компетентности в подростковом возрасте отличается рядом структурно-содержательных, динамических и половых особенностей. Так, подростки обладают очень разнящимися знаниями о способах поведения в конфликтных ситуациях: например, чаще всего, по их мнению, разрешению конфликта помогает ориентация на интересы и позицию другого, а не исключительно на свои собственные, выделяется роль сотрудничества в ходе разрешения конфликтов. Наоборот, стратегии избегания, нежелание вступать во взаимодействие с партнером по поводу возникших разногласий видится ими как неверное [20]. Следовательно, подростки

ориентированы на активное включение в конфликт и на стремление к его разрешению. С одной стороны, это подтверждает повышенную конфликтность подростков, с другой – позволяет говорить о высоком уровне интеллектуальной зрелости и готовности подростков к конструктивному поведению в конфликтных ситуациях.

Исследования поведенческой составляющей конфликтной компетентности подростков свидетельствуют, что в ситуации конфликта подростки задействуют весь спектр возможных стратегий поведения: от избегания до активного включения в конфликт. Среди этого континуума различных типов поведения в конфликтных ситуациях, по данным М.Ю. Худаевой, подростки реже всего используют стратегии сотрудничества [22], частым способом поведения у подростков в конфликтах является компромисс, а наиболее популярна, по результатам исследования Н.Н. Колмогорцевой и Л.М. Рахмангуловой, тактика избегания (62,7%), которая характеризуется попыткой уйти, уклониться от конфликта, обесценить его, выйти из конфликтной ситуации, не разрешая ее (молчание, демонстративное удаление, обиженный уход и т.д.) [10]. Данные исследования Л.Ш. Каримовой говорят о том, что подростки предпочитают тактику компромисса (40%) и конкуренции (38%) [8].

М.Ю. Худаева приводит в своих работах не только покомпонентный анализ развития конфликтной компетентности, но и интегральный. В исследуемой выборке выделилось три кластера подростков по общему уровню конфликтной компетентности. 61,3% подростков характеризуются низким уровнем конфликтной компетентности, т.е. они не обладают знаниями, навыками и умениями, позволяющими конструктивно и эффективно действовать в конфликтных ситуациях: прогнозировать конфликт, целенаправленно влиять на ситуацию и моделировать свое поведение, с целью предотвращения конфликта, а также конструктивно разрешать конфликты, сотрудничать. 35,5% подростков обнаруживают средний уровень развития конфликтной компетентности, их отличает нестабильности проявления умений грамотно действовать в конфликтной ситуации, несистемность, недостаточной осознанности о причинах возникновения и ходе течения

конфликта. Наконец, всего 3,2 % подростков обнаружили высокий уровень развития конфликтной компетентности. Эти подростки стремятся к позитивным отношениям, легко распознают свое эмоциональное состояние и состояние другого человека, кроме этого, умело обладают развитыми навыками саморегуляции эмоциональной, поведенческой сферы. [6, 20].

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязи между конфликтной компетентностью подростков и их восприятием параметров родительского воспитания, что позволит определить факторы риска социализации в семье, ведущие к неэффективному поведению в конфликте.

Объектом исследования является конфликтная компетентность.

Предмет исследования – взаимосвязь конфликтной компетентности с представлениями подростков о родительском воспитании.

Гипотеза: существует взаимосвязь между компонентами конфликтной компетентности подростков и параметрами родительского воспитания в представлении подростков.

Мы полагаем, что низкие значения компонентов конфликтной компетентности у подростков будут связаны с высокими значениями показателей гиперпротекции, чрезмерности требований-запретов и санкций, поскольку такое поведение родителей может быть проявлением авторитарного стиля воспитания, когда мнение подростка в конфликтной ситуации игнорируется, при этом формируется модель агрессивного поведения в конфликте.

Материалы и методы

В рамках данного исследования мы использовали следующие методы:

1. Теоретический анализ научных публикаций по теме исследований.

2. Психологическое тестирование с применением опросника ведущего типа реагирования в конфликте (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) [9], методики «Конфликтная компетентность личности» (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский) [2], опрос-

ника «Родителей оценивают дети», вариант для подростков 14–15 лет (И.А. Фурманов, А.А. Аладыин), созданного на базе методики «АСВ» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса [17].

3. Математический метод с использованием Rs-критерия корреляций Спирмена и U-критерия различий Манна-Уитни.

Базой эмпирического исследования послужило муниципальное общеобразовательное учреждение города Обь «Средняя общеобразовательная школа №26» Новосибирской области. В исследовании приняли добровольное участие учащиеся 8 и 9 классов средней образовательной школы, всего – 102 респондента в возрасте 14 и 15 лет (средний возраст 14,5 лет), из них 58 учащихся мужского пола, 44 – женского.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим полученные результаты.

Полученные по опроснику ведущего типа реагирования в конфликте данные показали, что доминирующим типом реагирования в конфликте у подростков является «Оптимальное решение» ($M=26.4$), при этом типы реагирования «агрессия» и «уход» имеют незначительные различия по средним значениям на выборке ($M=17.1$ и $M=16.8$, соответственно). Полученный результат позволяет сделать вывод, что в целом подросткам 14–15 лет свойственно признавать различия во мнениях, они готовы знакомиться с разными точками зрения в отношении конфликтной ситуации для достижения понимания причин конфликта и поиска наиболее эффективных действий, способствующих взаимной выгоде для обеих сторон. Указанные выше данные отчасти подтверждают исследования А.О. Жирновой, которая приходит к выводу о том, что большинство подростков (70,6 %) в ходе конфликта предпочитают прийти к такому соотношению, чтобы было хорошо и им, и их оппонентам [5], что можно рассматривать как проявление оптимального типа поведения в конфликте, и Т.В. Скутиной, по данным которой восьмиклассники достоверно чаще, по сравнению с подростками других классов, используют проблемно-разрешающий способ поведения [16].

Тестирование подростков с применением методики «Конфликтная компетентность личности» показало наибольшие средние значения по шкале «Когнитивный компонент» ($M=4.23$) и наименьшие – по шкале «Регулятивный компонент (эмоциональный элемент)» ($M=1.78$). Данный результат демонстрирует достаточно высокий уровень осведомленности подростков о конфликте, способах поведения в нем, сочетающийся с неумением управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, сложностями в открытом проявлении своих эмоций без оскорблений оппонента и эмпатии.

Похожие выводы мы встречаем в работах М.Ю. Худаевой: в эмоционально-оценочном компоненте конфликтной компетентности подростки обнаруживают ряд трудностей, особенно на уровне рефлексии поведения другого человека в конфликте, при этом большую готовность понять внутренний мир партнера подростки проявляют по отношению к сверстникам и родителям, а меньшую – к педагогам. Иными словами, ближний круг «объектов» эмпатии подростки ограничивают своими близкими, родными, друзьями, а эмоциональные переживания учителей не являются предметом рассмотрения [19].

В результате диагностики с использованием опросника «Родителей оценивают дети» выявлено, что наиболее выражены средние значения по шкалам «Гиперпротекция» ($M=4.02$), «Гипопротекция» ($M=3.95$), Потворствование ($M=3.85$), «Фобия утраты» ($M=3.38$), наименее выражены значения по шкале «Чрезмерность санкций» ($M=1.28$) и «Игнорирование потребностей ребенка» ($M=1.33$). Это означает, что в представлении подростков, с одной стороны, родители уделяют слишком много внимания их воспитанию, стремятся к максимальному удовлетворению всех потребностей подростка, избегают применения строгих наказаний, опасаются за его жизнь и здоровье, а с другой стороны, обращают на него внимание только в случае, если случится что-то серьезное. Подобные результаты могут быть как следствием недостаточной педагогической компетентности родителя, что может проявляться в неустойчивости стиля

воспитания, когда родители непоследовательны в своем поведении в отношении ребенка, так и проявлением особенностей подросткового возраста, поскольку подростки в этот период хотят одновременно и продемонстрировать свою взрослость и независимость, и получать от родителей поддержку и заботу в сложных ситуациях.

Корреляционный анализ с применением R_s -критерия Спирмена показал, что существуют значимые взаимосвязи параметров родительского воспитания в представлении подростков и компонентов конфликтной компетентности, а именно: когнитивный компонент конфликтной компетентности имеет достоверно значимые обратные корреляции со шкалами «Гиперпротекция» ($R_s = -0.24$, $p < 0.01$), «Игнорирование потребностей» ($R_s = -0.20$, $p < 0.05$), «Чрезмерность требований-запретов» ($R_s = -0.22$, $p < 0.02$), «Чрезмерность санкций» ($R_s = -0.24$, $p < 0.01$), «Предпочтение в подростке детских качеств» ($R_s = -0.28$, $p < 0.01$), «Воспитательная неуверенность родителя» ($R_s = -0.25$, $p < 0.01$), «Фобия утраты» ($R_s = -0.32$, $p < 0.001$), «Неразвитость родительских чувств» ($R_s = -0.23$, $p < 0.02$). Это означает, что в представлении подростков, проявляющих недостаточную теоретическую осведомленность о конфликтах, родительское воспитание характеризуется избыточностью внимания со стороны родителей к подростку, в т.ч. из-за опасения по поводу жизни и здоровья ребенка, недостаточным стремлением родителя удовлетворять потребность ребенка в общении и эмоциональном контакте, восприятием родительских обязанностей как утомительных и препятствующих достижению своих целей в жизни, поощрением инфантильного поведения подростка, неуверенностью в способах воспитания, но при этом предъявлением к ребенку множества требований, ограничивающих его самостоятельность, а в случаях нарушения правил поведения применением строгих наказаний.

Мотивационный компонент конфликтной компетентности связан со шкалой «Фобия утраты» ($R_s = -0.25$, $p < 0.01$), т.е. чем меньше родители ограничивают проявление свободы и самостоятельности из-за опасений за его жизнь и здоровье, тем выше направленность подростка на конструктивное решение конфликта.

Данные результаты подтверждают исследование В.А. Петровского и М.В. Полевой, в котором обнаружено, что у нелояльных родителей подростки враждебны, необщительны, отличаются повышенной конфликтностью, в присутствии родителей закрыты и обладают сниженной самооценкой [12].

Регулятивный компонент конфликтной компетентности имеет следующие достоверно значимые обратные корреляции с параметрами родительского воспитания в представлении подростков:

- Эмоциональный элемент связан со шкалами «Гипопротекция» ($R_s = -0.35, p < 0.001$), «Недостаточность требований-обязанностей» ($R_s = -0.29, p < 0.01$), «Воспитательная неуверенность» ($R_s = -0.21, p < 0.03$), «Неразвитость родительских чувств» ($R_s = -0.24, p < 0.02$), «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s = -0.22, p < 0.03$).
- Волевой элемент связан со шкалой «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s = -0.28, p < 0.01$).
- Рефлексивный элемент связан со шкалой «Расширение сферы родительских чувств» ($R_s = -0.20, p < 0.05$).

Полученные данные говорят о том, что сложности с управлением своим эмоциональным состоянием в предконфликтной и конфликтной ситуациях возникают у тех подростков, в представлении которых родители не проявляют к ним достаточно внимания, устанавливают минимум обязанностей для ребенка, постоянно уступают ребенку, проявляют поверхностный интерес к ребенку, но при этом акцентируют недостатки ребенка, которые в действительности типичны для них самих. Если, по мнению подростка, родитель борется с нежелательными качествами ребенка, присутствующими и у него самого, то у подростка возникают сложности в управлении собой в конфликтной ситуации. Если родители проявляют ревность к подростку, придираются к его друзьям, особенно противоположного пола, то подростку трудно мысленно реконструировать произошедшую конфликтную ситуацию для дальнейшей коррекции своего поведения.

Данные результаты позволяют лучше понять, какие факторы могут оказывать влияние на гетерохронность становления компо-

нентов конфликтной компетентности в подростковом возрасте, о которой говорит М.А. Худаева: когнитивный компонент опережает эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты, поэтому подростки понимают логику конфликта, причины его возникновения и эскалации, но им трудно осознать в полной мере поведение субъектов (собственное и другого) в конфликте и, соответственно, выбрать путь. вмещающий в себя как саморазвитие так и сохранение взаимоотношений [20].

Рассмотрим полученные корреляции между типами реагирования в конфликте и параметрами родительского воспитания в представлении подростков:

Агрессивный тип поведения в конфликте имеет прямые корреляции со шкалами «Недостаточность требований-обязанностей» ($R_s=0.32$, $p<0.001$), «Чрезмерность требований-запретов» ($R_s=0.23$, $p<0.02$), «Чрезмерность санкций» ($R_s=0.21$, $p<0.05$), «Неразвитость родительских чувств» ($R_s=0.21$, $p<0.03$), «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s=0.29$, $p<0.01$).

Уход как способ поведения в конфликте связан со шкалами «Недостаточность требований-обязанностей» ($R_s=0.21$, $p<0.03$), «Чрезмерность требований-запретов» ($R_s=0.21$, $p<0.03$), «Фобия утраты» ($R_s=0.23$, $p<0.02$), «Неразвитость родительских чувств» ($R_s=0.20$, $p<0.05$), «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s=0.24$, $p<0.02$).

Представленные значимые взаимосвязи показывают, что представления подростков о том, что родители устанавливают для них минимальные обязанности, но вводят избыточные запреты и ограничения их свободы, проявляют к ним поверхностный интерес, при этом заостряют внимание на борьбе с недостатками подростка, которые типичны и для родителя, соотносятся сразу с двумя достаточно разными видами реагирования в конфликте – агрессивным и избегающим, что может являться предиктором возможного асоциального поведения подростка (например, проявление жестокости в школе или побегов из дома).

В результате сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни было обнаружено, что юноши и девушки достоверно

различаются по параметрам «Чрезмерность требований-запретов» ($U=964.5$, $p < 0,03$), «Уход» ($U=975.5$, $p < 0,05$), т.е. подросткам мужского пола в большей степени, чем девушкам-подросткам кажется, что родители слишком сильно ограничивают их свободу и самостоятельность, но при этом подростки мужского пола реже по сравнению с девушками используют избегание конфликта, что в целом можно объяснить особенностями гендерного воспитания, когда от мальчика ждут активного поведения как в конфликте, так и в выборе жизненного пути, что предполагает отстаивание своих интересов. В то же время достоверно значимых различий в компонентах конфликтной компетентности между подростками мужского и женского пола не обнаружено, что не совпадает с выводами М.Ю. Худаевой о том, что девочки отличаются большей компетентностью в рамках когнитивного и поведенческого компонентов, но при этом подтверждает сведения о том, что мальчики демонстрируют большую готовность к согласованию с партнером предмета конфликта и поиску способов его разрешения вместе, а девочки не отдают явного предпочтения какому-либо одному способу поведения в конфликтных ситуациях [20].

Заключение

Проведенное исследование психологического содержания конфликтной компетентности подростка позволяет сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день не существует единого взгляда на суть и структуру понятия «конфликтная компетентность» по данной тематике, несмотря на большое количество отечественных и зарубежных исследований; в современной конфликтологии существует несколько близких по содержанию понятий, связанных со способностью личности управлять конфликтами: «конфликтная компетентность», «конфликтологическая компетентность», «конфликтоустойчивость», «конфликтологическая культура», однако они не являются тождественными, хотя проблема их точной дифференциации до сих пор не решена.

2. В психологии существует несколько подходов к определению структуры конфликтной компетентности, при этом наиболее обоснованным и аргументированным нам показался подход М.В. Башкина, который предложил структуру, содержащую три компонента: мотивационный, когнитивный (включающий в себя информационный и творческий элементы) и регулятивный (включающий эмоциональный, волевой и рефлексивный элементы).

3. Доминирующим типом реагирования в конфликте у подростков 14–15 лет является «Оптимальное решение», т.е. в целом подросткам 14–15 лет свойственно признавать различия во мнениях, они готовы знакомиться с разными точками зрения в отношении конфликтной ситуации для достижения понимания причин конфликта и поиска наиболее эффективных действий, способствующих взаимной выгоды для обеих сторон.

4. Для подростков 14–15 лет характерен достаточно высокий уровень осведомленности о конфликте, способах поведения в нем, сочетающийся с неумением управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, сложностями в открытом проявлении своих эмоций без оскорблений оппонента и эмпатии.

5. В представлении подростков 14–15 лет родители, с одной стороны, уделяют слишком много внимания их воспитанию, стремятся к максимальному удовлетворению всех потребностей подростка, избегают применения строгих наказаний, опасаются за его жизнь и здоровье, а с другой стороны, обращают на него внимание только в случае, если случится что-то серьезное, что может быть следствием недостаточной педагогической компетентности родителя и проявляться в неустойчивости стиля воспитания.

6. Обнаружены значимые взаимосвязи компонентов конфликтной компетентности и параметров родительского воспитания на уровне восприятия подростками:

- В представлении подростков, проявляющих недостаточную теоретическую осведомленность о конфликтах, родительское воспитание характеризуется избыточностью внимания

со стороны родителей к подростку, в т.ч. из-за опасения по поводу жизни и здоровья ребенка, недостаточным стремлением родителя удовлетворять потребность ребенка в общении и эмоциональном контакте, восприятием родительских обязанностей как утомительных и препятствующих достижению своих целей в жизни, поощрением инфантильного поведения подростка, неуверенностью в способах воспитания, но при этом предъявлением к ребенку множества требований, ограничивающих его самостоятельность, а в случаях нарушения правил поведения применением строгих наказаний.

- Чем меньше родители ограничивают проявление свободы и самостоятельности из-за опасений за его жизнь и здоровье, тем выше направленность подростка на конструктивное решение конфликта.
- Сложности с управлением своим эмоциональным состоянием в предконфликтной и конфликтной ситуациях возникают у тех подростков, в представлении которых родители не проявляют к ним достаточно внимания, устанавливают минимум обязанностей для ребенка, постоянно уступают ребенку, проявляют поверхностный интерес к ребенку, но при этом акцентируют недостатки ребенка, которые в действительности типичны для них самих.

7. Представления подростков о том, что родители устанавливают для них минимальные обязанности, но вводят избыточные запреты и ограничения их свободы, проявляют к ним поверхностный интерес, при этом заостряют внимание на борьбе с недостатками подростка, которые типичны и для родителя, соотносятся сразу с двумя достаточно разными видами реагирования в конфликте – агрессивным и избегающим, что может являться предиктором возможного асоциального поведения подростка.

8. Подросткам мужского пола в большей степени, чем девушкам-подросткам кажется, что родители слишком сильно ограничивают их свободу и самостоятельность, но при этом подростки мужского пола реже по сравнению с девушками используют избегание конфликта.

Представленные выше данные позволили нам частично подтвердить выдвинутую гипотезу о существовании взаимосвязи компонентов конфликтной компетентности и параметров родительского воспитания в представлении подростков: гиперпротекция, чрезмерность требований-запретов и санкций соотносятся с когнитивным компонентом конфликтной компетентности подростков.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает необходимость более подробного изучения психологического содержания конфликтной компетентности подростков в контексте влияния институтов социализации для разработки и внедрения оптимальной системы профилактики конфликтного поведения подростков.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Башкин М.В. Конфликтная компетентность личности: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 242 с.
2. Башкин М.В. Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 108 с.
3. Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Features of teenagers' perceptions of security // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. Vol. 07. №31, pp. 230-238. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.31>
4. Емельянов С.М. Управление конфликтами в организации. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. 256 с.
5. Жирнова А.О. Конфликтологическая компетентность подростков (по результатам социологического исследования // Сборник материалов конференции: Всероссийский студенческий конвент «Инновация». Иваново, 2016. С. 123–127.
6. Исаева Н.И. Развитие конфликтологической компетентности в подростковом возрасте. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 291–294.
7. Kapustina V. A. Socio-psychological aspects of adolescent socialization in lone-parent and two-parent families // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 233, pp. 78–82.

8. Karimova L. Sh. (2015) Prevention of Interpersonal Conflicts In Teenagers Environment // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. № 191, pp. 1843–1847.
9. Кашапов М.М. Психология конфликтной компетентности. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 128 с.
10. Колмогорцева Н.Н., Рахмангулова Л.М. Соотношение коммуникативной компетентности и моделей поведения подростков в конфликтной ситуации // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2009. №5-1. С. 87–92.
11. Петровская Л.А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // *Вестник МГУ. Серия 14: Психология*. 1997. №4. С. 41–45.
12. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // *Вопросы психологии*. 2001. № 1. С. 19–26.
13. Runde C., Armon B.K. Conflict Competence in a Multicultural World // *Critical Issues in Cross Cultural Management*. Switzerland: Springer Nature. 2016. 190 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42166-7_5
14. Runde C. Conflict Competence in the Workplace // *Employment relations*. 2014. Vol. 40. №4, pp. 25-31. URL: <https://doi.org/10.1002/ert.21430>
15. Скутина Т.В. Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков // *Психология общения: тренинг человечности: тезисы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Л. А. Петровской*. М.: Смысл, 2007. С. 71–74.
16. Скутина Т.В. Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков: дис. ... канд. психол. наук. Красноярск: СФУ, 2008. 154 с.
17. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства. Минск: Тесей, 1999. 224 с.
18. Хасан Б.И. Психология конфликта и переговоры. М.: Академия, 2004. 192 с.
19. Худаева М.Ю. Психологические особенности развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // *Научные*

- ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 16. № 24. С. 226–229.
20. Худаева М.Ю. Психологические условия развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Белгород: Психологический институт Российской академии образования, 2007. 179 с.
  21. Худаева М.Ю. Соотношение между самооценкой и уровнем притязаний как индикатор развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №9. С. 291–294.
  22. Худаева М.Ю. Социальный интеллект как условие развития социальной компетентности в подростковом возрасте // Теоретические и практические вопросы психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 285–288.

References

1. Bashkin M.V. *Konfliktnaja kompetentnost' lichnosti* [Conflict competence of a personality]. Jaroslavl': JarGU, 2009. 242 p.
2. Bashkin M.V. *Formirovanie psihologicheski komfortnoj i bezopasnoj obrazovatel'noj sredy* [Forming of a psychological security of an educational environment]. Jaroslavl': JarGU, 2014. 108 p.
3. Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Features of teenagers' perceptions of security. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. Vol. 07. №31, pp. 230–238. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.31>
4. Emel'janov S.M. *Upravlenie konfliktami v organizacii* [Organizational conflict management]. SPb.: Avalon, Azbuka-klassika, 2006. 256 p.
5. Zhirnova A.O. *Sbornik materialov konferencii: Vserossijskij studencheskij konvent «Innovacija»* [Proc. Rus. Stud. Conf. «Innovation»: Conflict competence of teenagers]. Ivanovo, 2016, pp. 123–127.
6. Isaeva N.I. *Razvitie konfliktologicheskoy kompetentnosti v podrostkovom vozraste* [Development of a conflict competence of teenagers]. Belgorod: ID «Belgorod», 2012, pp. 291–294.
7. Kapustina V. A. Socio-psychological aspects of adolescent socialization in lone-parent and two-parent families. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 233, pp. 78–82.

8. Karimova L. Sh. (2015) Prevention of Interpersonal Conflicts In Teenagers Environment. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. № 191, pp. 1843–1847.
9. Kashapov M.M. *Psihologija konfliktnoj kompetentnosti* [Psychology of a conflict competence]. Jaroslavl': JarGU, 2010. 128 p.
10. Kolmogorceva N.N., Rahmangulova L.M. *Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methodic and problems of an application]. Novosibirsk: OOO «Centr razvitija nauchnogo sotrudnichestva», 2009. №5–1, pp. 87–92.
11. Petrovskaja L.A. K voprosu o prirode konfliktnoj kompetentnosti [The nature of a conflict competence]. *Vestnik MGU. Serija 14: Psihologija*, Vol. 4. 1997. №4, pp. 41–45.
12. Petrovskij V.A., Polevaja M.V. Otchuzhdenie kak fenomen detsko-roditel'skih otnoshenij [Isolation as a phenomenon of a parental relations]. *Voprosy psihologii* [Questions of a psychology]. 2001. № 1, pp. 19–26.
13. Runde C., Armon B.K. Conflict Competence in a Multicultural World. *Critical Issues in Cross Cultural Management*. Switzerland: Springer Nature. 2016. 190 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42166-7_5
14. Runde C. Conflict Competence in the Workplace. *Employment relations*. 2014. Vol. 40. №4, pp. 25–31. URL: <https://doi.org/10.1002/ert.21430>
15. Skutina T.V. *Psihologija obshhenija: trening chelovechnosti: tezisy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 70-letiju so dnja rozhd. L.A. Petrovskoj* [Proc. Int. Conf. «Psychology of a communication»: Conflict competence as a resource of a development of teenagers]. M.: Smysl, 2007, pp. 71–74.
16. Skutina T.V. *Konfliktnaja kompetentnost' kak resurs razvitija mezhlichnostnogo obshhenija podrostkov* [Conflict competence as a resource of a development of teenagers]. Krasnojarsk: SFU, 2008. 154 p.
17. Furmanov I.A., Alad'in A.A., Furmanova N.V. *Psihologicheskaja rabota s det'mi, lishennymi roditel'skogo popechitel'stva* [Psychological work with children without parental care]. Minsk: Tesej, 1999. 224 p.
18. Hasan B.I. *Psihologija konflikta i peregovory* [Psychology of a conflict and negotiation]. M.: Akademija, 2004. 192 p.
19. Hudaeva M.Ju. *Psihologicheskie osobennosti razvitija konfliktologicheskoy kompetentnosti v podrostkovom vozraste* [Psychological features

- of a development of teenagers' conflict competence]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Scientific statements of Belgorod State University]. 2012. V. 16. № 24, pp. 226–229.
20. Hudaeva M. Ju. *Psichologicheskie uslovija razvitija konfliktologicheskoy kompetentnosti v podrostkovom vozraste* [Psychological conditions of a development of teenagers' conflict competence]. Belgorod: Psichologicheskij institut Rossijskoj akademii obrazovanija, 2007. 179 p.
21. Hudaeva M. Ju. Sootnoshenie mezhdru samoocenkoj i urovnem pritzazanij kak indikator razvitija konfliktologicheskoy kompetentnosti v podrostkovom vozraste [Interrelation of self-esteem and pretensions as an indicator of a development of teenagers' conflict competence]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija)*, 2014. №9, pp. 291–294.
22. Hudaeva M. Ju. Social'nyj intellekt kak uslovie razvitija social'noj kompetentnosti v podrostkovom vozraste [Social intellect as a condition of a development of teenagers' conflict competence]. *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy psihologii i pedagogiki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Proc. Int. Conf. «Theoretical and practical problems of a psychology and pedagogy»]. 2015, pp. 285–288.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Капустина Валерия Анатольевна, доцент кафедры психологии и педагогики, кандидат психологических наук, доцент
*Новосибирский государственный технический университет
пр. Карла Маркса, 20, г. Новосибирск, Новосибирская область,
630073, Российская Федерация
pskabinet@gmail.com*

Карманова Виктория Викторовна, магистрант кафедры общей психологии и истории психологии
*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, г. Новосибирск, Новосибирская область,
630126, Российская Федерация
pskabinet@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kapustina Valeriia Anatolevna, Associated Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Ph.D. in Psychology
Novosibirsk State Technical University
20, Karl Marks St., Novosibirsk, Novosibirskaya oblast, 630073, Russian Federation
pskabinet@gmail.com
SPIN-code: 9936-8943
ORCID: 0000-0002-8872-0306
ResearcherID: D-1071-2014

Karmanova Viktoriia Viktorovna, master student, Department of Common Psychology and History of Psychology
Novosibirsk State Pedagogical University
28, Viliuiskaia St., Novosibirsk, Novosibirskaya oblast, 630126, Russian Federation
pskabinet@gmail.com